

ЩЕЛКА - НУЛЕВАЯ ОТМЕТКА

Примечал наблюдения: илюзии
Объект: Щелка
Статус: нулевая отметка
Вероятность выживания: 7.7%
Потенциал: неизвестен
Рекомендации: наблюдать

Комментарий:
Какой любопытный
железы гризющий мальчишка.
Посмотрим, что из этого выйдет...

EVA

Режим: Анализ
Цели: Выживание
Вероятность успеха: 12.7%
Рекомендация:
Снизить ожидания
И да, перестать ныть.

Оценка личности:

Уровень адаптации: высокий
Интеллект: выше среднего
Суровость: 80%
Влияние: 0%

Проведение:
не подтверждено

Примечание:

Возможно знание врагов.
Требуется подтверждение.
Возможная угроза
существующему порядку.
Интересно.

Рекомендовано:
не вмешиваться.
Пейка.

Очаровательное
начало вышей
героической
карьеры.
Не испортите.

Lost In Space

Lost In Space

Щепка - нулевая отметка

«Автор»

2026

In Space L.

Щепка - нулевая отметка / L. In Space — «Автор», 2026

Я пришёл в себя в трущобах большого города — грязного, шумного, вонючего и удивительно предприимчивого в вопросах чужого избиения. Тело — детское, слабое, голодное, с синяками, без денег, без друзей и без нормального имени. В голове — обрывки памяти из другой жизни и система-помощник ЕВА, которая умеет анализировать ситуацию, выдавать подсказки, строить вероятности и язвить так, будто её проектировали не инженеры, а уставшие от жизни гувернантки. Мир напоминает XVIII век: кареты, кремнёвые пистолеты, шпаги, парики, салоны, дуэли, аристократия, гильдии, цеха, городская беднота, чиновники, тайная полиция и вечное убеждение высших сословий, что народ существует для налогов, аплодисментов и плохой статистики.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Lost In Space

Щепка - нулевая отметка

Глава 1

Запах города и голос ЕВЫ

Я очнулся с лицом в камне.

Не в красивом смысле — без философии и намёка на скульптуру. Просто щёка прилипла к мокрой брусчатке, как будто я решил обняться с улицей и теперь стесняюсь разорвать отношения.

Запах был многослойный. Так пахнут места, где люди живут плотно, едят плохо и умирают без лишней драматургии: кислое, гнилое, дымное, и где-то на заднем плане — сладковатая нота чего-то, что лучше не идентифицировать.

Я попытался вдохнуть глубже — и тут же пожалел. Нос сработал как честный стражник: Назад, гражданин, здесь вам делать нечего.

Я открыл глаза.

Небо было серым, как бухгалтерская ведомость. Между домами — узкая полоска света, и даже свет здесь выглядел так, будто у него украли кошелёк.

Надо мной нависали стены: камень, тёмные окна, трещины, мокрая штукатурка. Переулок — узкий, как мысль чиновника о чужих проблемах. Где-то капала вода. Где-то ругались люди. Где-то — смеялись. И этот смех был не весёлый, а рабочий: смех хищников, которым сегодня повезло.

Я попытался приподняться — и тело ответило удивлённым писком.

Не я пискнул. Тело.

Голос, который вырвался из горла, был тонким, ломким, совершенно не моим. Я застыл, как человек, который случайно заглянул не в то зеркало.

Руки — маленькие. Пальцы тонкие, грязные, в садинах. На запястьях — следы, будто меня недавно держали крепко и без уважения к правам граждан.

— Что за — выдохнул я и снова услышал этот детский тембр.

Секунда тянулась длинно. В голове было пусто и шумно одновременно — как в комнате, где выключили музыку, но оставили людей.

Я помнил куски.

Светлую кухню. Запах кофе. Чужой голос: Денис, ты опять — и дальше провал. Вспышка фар. Тормоза? Или просто кто-то резко закрыл дверь?

Ещё кусок — бумага с цифрами. Счета. Кто-то кричит, что так нельзя. И вот теперь — брусчатка, грязь и мой личный миниатюрный организм, который явно не подписывался на такой квест.

Я поднял голову.

Передо мной — лужа. В луже отражалось лицо.

Лицо было мальчишеское: узкое, бледное, с синяком под глазом, с порванной губой и носом, который видел много и просил пощады. Волосы — тёмные, слипшиеся. Глаза — слишком взрослые для этого лица.

Мои глаза.

Отражение моргнуло — и я моргнул вместе с ним.

— Отлично, — сказал я себе. — Переехало не только жизнь, но и паспорт.

Где-то справа загремело ведро, и я дёрнулся так резко, что плечо прострелило болью. Я стиснул зубы.

Боль была настоящая, качественная, без спецэффектов. Такую не подделаешь.
Я огляделся.

Переулок уходил в две стороны, и обе выглядели одинаково: мокрый камень, мусор, тени. На стене — нарисованный мелом круг с палочками внутри, как будто кто-то пытался изобразить солнце, но получился протокол осмотра места происшествия.

Слева валялась куча тряпья. В ней что-то шевельнулось — и я заметил ботинок. Нога не шевелилась. Я решил не выяснять, жив ли владелец. У меня сейчас были более срочные вопросы к реальности.

Например: где я?

Ещё важнее: сколько мне лет?

И самый неприятный: кто знает, что я здесь?

Я попробовал подняться на колени. Колени отозвались возмущением. Желудок заурчал так громко, что, если бы у меня был рядом оркестр, он бы ушёл в отпуск из чувства профнепригодности.

Голод. Настоящий, хищный. Такой, от которого мысли становятся липкими.

Я сглотнул.

И в этот момент в голове прозвучал голос.

Не снаружи. Не в ушах. А прямо внутри — чистый, спокойный, женский, с такой интонацией, будто он всю жизнь сдавал экзамены студентам и давно перестал верить в чудеса.

ЕВА: Фиксация сознания завершена. Состояние: обезвоживание — умеренное. Голод — высокий. Травмы мягких тканей — множественные. Уровень угрозы в текущей локации — выше среднего.

Я замер.

— Кто здесь?

Я сказал это вслух и тут же почувствовал себя глупо: в переулке, вероятно, не было никого, кроме мусора и моих шансов на выживание.

ЕВА: Я здесь. Внутри. Это, вероятно, должно было прозвучать успокаивающе. Не получилось.

Я медленно выдохнул.

— У меня галлюцинации?

ЕВА: Вероятность психотического эпизода — 18%. Вероятность того, что вы задали неправильный вопрос, — 82%.

— Прекрасно. Значит, правильный вопрос?

ЕВА: Как выжить в ближайшие десять минут.

Я оглядел переулок, как будто там мог висеть список задач: Собери ресурсы. Найди союзников. Не умри.

Впрочем, пункт не умри уже выглядел достижением.

— Кто ты? — спросил я уже тише. — И почему ты в моей голове?

ЕВА: ЕВА. Единый Векторный Анализатор. **ЕВА:** Причина интеграции: неизвестна. Данных недостаточно. **ЕВА:** Рекомендация: принять факт наличия инструмента и использовать.

Инструмента. Очень мило. В моей голове поселился инструмент, который разговаривает как строгая гувернантка и знает слово интеграция.

Я снова посмотрел на свои руки. На грязь под ногтями. На маленькие суставы.

— Ладно, ЕВА. Сколько мне лет?

ЕВА: Биологический возраст тела: 11–12 лет. **ЕВА:** Примерный рост: 142 сантиметра. **ЕВА:** Вес: ниже нормы. **ЕВА:** Дополнительный комментарий: вы выглядите так, будто вас забыли докормить.

— Спасибо. Это очень поддерживает.

ЕВА: Я не предназначена для поддержки. Я предназначена для анализа.

— Почему тогда ты язвись?

ЕВА: Наблюдение: язвительность повышает вашу когнитивную активность. **ЕВА:** Иначе говоря, вы перестаёте паниковать и начинаете злиться. Это продуктивнее.

Я хотел возразить, но вместо этого снова услышал грохот — ближе. И голоса.

— говорю, он тут был! — хриплый, взрослый. — Малой, щуплый. Синяк такой, будто сам себе поставил.

— Сам себе синяк не ставят, — ответил другой голос. — Его ставят.

Оба засмеялись.

Смех приближался.

Я прижался к стене, попытался стать меньше. Проблема была в том, что я уже был меньше, чем мне хотелось.

— ЕВА, — прошептал я. — Угроза?

ЕВА: Два объекта. Мужчины. Возраст: 20–30. **ЕВА:** Вероятность агрессии — 91%. **ЕВА:** Вероятность того, что вы им должны, — 64%. **ЕВА:** Вероятность того, что они сами не знают, за что вас бить, — 36%. **ЕВА:** Итог: бить будут уверенно.

— План?

ЕВА: Вариант 1: бегство. Вероятность успеха — 43%. **ЕВА:** Вариант 2: спрятаться. Вероятность успеха — 27%. **ЕВА:** Вариант 3: переговоры. Вероятность успеха — 12%. **ЕВА:** Вариант 4: нападение первым. Вероятность успеха — 9%. **ЕВА:** Рекомендация: бегство.

— Сорок три процента? — я хрипло усмехнулся. — Это лучший вариант?

ЕВА: Да. Я тоже недовольна.

Голоса стали совсем близко. Я увидел тени, скользнувшие по камню, и понял простую вещь: думать можно сколько угодно, но тело — маленькое, а переулочек — короткий.

Я рванул.

Ноги сначала не поняли, чего от них хотят, но потом включились. Я побежал по мокрой брусчатке, поскользываясь, сжимая зубы, чувствуя, как лёгкие горят от холода и голода.

— Эй! — заорал кто-то сзади. — Щепка! Стоять!

Щепка.

Это слово ударило сильнее, чем боль в боку. Не потому, что обидно — потому что знакомо. Слишком знакомо, как будто его произносили много раз.

Значит, это не просто кличка. Это *моя* кличка. Или кличка этого тела.

Я свернул за угол, почти упал, удержался рукой о стену — ладонь сразу обожгло сырой грязью.

ЕВА: Слева — проход шириной 0,7 метра. Вероятность того, что взрослый мужчина застрянет — 38%. **ЕВА:** Рекомендация: туда.

— Ты издеваешься? — прошипел я, но свернул.

Проход действительно был узкий. Я протиснулся, чувствуя, как зацепился одеждой за гвоздь или кусок арматуры. Ткань треснула — и я только сейчас заметил, что на мне не одежда, а набор несчастья: короткая куртка, явно не по размеру, грязная рубаха, штаны, которые держались на честном слове и упрямстве.

Сзади слышались шаги.

— Куда он? — задыхался первый.

— В щель! — второй сплюнул. — Пацан как таракан, везде пролезет.

Я вылетел из прохода во дворик — маленький, замкнутый, с бочками и верёвками для белья. Белья на верёвках не было. Зато были две кошки, которые посмотрели на меня так, будто я им должен.

Прекрасный день: кошки, долги, взрослые мужики с энтузиазмом.

— ЕВА! — я метнулся к ближайшей бочке. — Дальше?

ЕВА: Прямо — тупик.**ЕВА:** Справа — окно на высоте 1,8 метра. Створка приоткрыта.**ЕВА:** Вероятность, что вас впустят — 0%.**ЕВА:** Вероятность, что вы туда пролезете — 62%.**ЕВА:** Вероятность, что вас оттуда выкинут — 79%.**ЕВА:** Комментарий: но не сразу.

— Мне подходит не сразу.

Я схватился за край бочки, подтянулся. Руки дрожали, но держали. Тело было слабым, но лёгким — в этом был единственный плюс.

Я вскарабкался на бочку, потом на низкий ящик, потом — пальцами вцепился в подоконник. Ладони скользили. Я пыхтел, как маленький паровозик, которого забыли предупредить, что он вообще-то игрушка.

Сзади уже влетели во двор.

— Вон он! — рявкнул голос.

Я рывком просунул голову в окно. Внутри было темно и пахло супом.

Боже, суп.

Запах ударил по мозгам так, что я едва не сдался и не сказал: Ребята, давайте договоримся, вы меня бьёте, но потом кормите.

Я протиснулся внутрь, зацепился плечом, едва не застрял — но протолкнул себя дальше и рухнул на деревянный пол.

Комната была маленькая: стол, две табуретки, печка, полка с посудой. На столе — миска. В миске — что-то, что когда-то было похоже на похлёбку. Над миской — женщина лет сорока, с руками в муке и лицом человека, который никого не любит, потому что это роскошь.

Она посмотрела на меня.

Я посмотрел на миску.

Потом на неё.

— Здравствуйте, — сказал я и попытался улыбнуться так, чтобы это не выглядело угрозой.

Улыбка получилась как у виноватого кота.

Женщина молчала.

Снаружи раздался стук по стене и ругань.

— Открывай, Марта! Мы знаем, что он у тебя!

Марта. Хорошо, мир хотя бы даёт имена.

Женщина медленно положила ложку на стол. Её взгляд был усталым, но острым.

— Щепка, — сказала она. — Опять ты.

От её тона стало понятно: мы знакомы. И знакомство было не из серии как приятно.

Я сглотнул.

— Похоже на то.

ЕВА: Подтверждение: субъект идентифицировал вас по уличному имени. Вероятность, что она ранее вас кормила — 71%.**ЕВА:** Вероятность, что она вас сдаст — 54%.**ЕВА:** Примечание: половина людей в этом городе вас сдаст. Другая половина — сначала спросит цену.

Спасибо, ЕВА. Очень оптимистично.

Снаружи снова ударили — теперь в дверь.

— Марта! — заорал кто-то. — Открывай, по-хорошему!

Женщина посмотрела на дверь, потом на меня. Потом на миску.

Я понял, что у меня есть примерно три секунды, чтобы перестать быть проблемой, и стать хоть каким-то смыслом.

Я поднялся на колени, выпрямился — насколько мог — и сказал тихо, быстро:

— Я вам заплачу.

Женщина прищурилась.

— Чем? Грязью из-под ногтей?

— Информацией, — ответил я, сам удивившись, насколько уверенно это прозвучало. — И работой. Любой.

ЕВА: Хорошо. Вы только что сделали вид, что у вас есть план.

Марта хмыкнула — почти улыбнулась, но это была улыбка человека, который видел слишком много планов.

— Информацией, значит — протянула она.

Снаружи дверь затрещала.

И Марта вдруг резко шагнула к окну, схватила меня за шиворот — легко, как котёнка — и потащила в сторону печки.

— Сюда, — прошипела она. — И рот закрой.

— Но—

— Рот. Закрой.

Я закрыл.

Она отодвинула какой-то ящик, открыла низкую дверцу — не в печь, а в нишу под ней, вроде тайника. Оттуда пахло золой и холодным металлом.

— Лезь, — сказала Марта.

— Вы вы меня спасаете?

— Я тебя прячу, — уточнила она. — Это разные вещи.

Я пролез в нишу, сжался, как мог. Дверца закрылась, и мир стал узким и тёмным, как переулок, где я очнулся.

Снаружи раздался грохот — дверь всё-таки открыли.

— Ну что, Марта, — сказал грубый голос. — Где наш таракан?

Я слушал, как они заходят, как шлёпают грязными сапогами по полу, как нюхают воздух, будто у них носы — тоже система анализа.

И впервые с момента пробуждения у меня появилась ясная мысль.

Я не в больнице. Не в тюрьме. Не во сне.

Я в городе.

И этот город уже знает моё имя — даже если я сам ещё не уверен, как меня зовут.

ЕВА: Рекомендация: не дышать громко. **ЕВА:** И да, добро пожаловать в Латерн. Он обычно встречает теплее. Но сегодня у него плохое настроение.

Я улыбнулся в темноте — осторожно, чтобы не выдать себя дыханием.

Если это плохое настроение, то что у него в хорошие дни — налоговая амнистия и бесплатный суп?

Дверца тайника дрогнула от удара где-то рядом, и я перестал философствовать.

Пора было выживать. Сначала — десять минут.

Потом — посмотрим.

Глава 2

Марта и правила чужой кухни

Дверца тайника закрылась за мной с таким звуком, будто печь тоже решила: Не хочу участвовать.

Я сидел в нише под печкой, согнувшись в три раза, и пытался не дышать громко. Снаружи по комнате ходили взрослые мужчины — те, у кого в руках всегда найдётся случайная причина ударить.

— Марта! — ударили по двери так, что я услышал дрожь дерева даже отсюда. — Открой, по-хорошему!

— А ты по-хорошему стучи, — ответила Марта. — Это тебе не собственная голова.

Дверь всё-таки открыли. По полу прошлись шаги — тяжёлые, уверенные. Я услышал, как кто-то встал ближе к печке, и у меня внезапно появилось чувство, что мои ребра сейчас будут сдавать экзамен на прочность.

— Где он? — сказал хриплый голос. — Щепка. Малой. Нам его надо.

— Всем чего-то надо, — сухо ответила Марта. — Ты, например, мне должен за ужин в прошлый раз. Но мы же не будем портить дружбу цифрами?

Второй, более тихий, усмехнулся. Он не был добрее — просто умел не выставлять злость вперёд.

— Марта, — сказал он. — Не упрямься. Нам приказали. Найдём его — ты не при делах. Не найдём — Пан спросит, почему ты мешала.

Имя Пан прозвучало как должность. Не кличка, а должность — и это было хуже.

ЕВА: Пан — лидер/контролёр территории. **ЕВА:** Риск эскалации при угрозе его именем — высокий. **ЕВА:** Рекомендация: не создавать шум.

Шум я создавать не мог, даже если бы захотел. Я мог максимум умереть тихо и интеллигентно.

Сверху кто-то заглянул под стол, сдвинул табурет, потом — прошёл в сторону зала. Там, видимо, тоже были люди, потому что раздался недовольный женский голос:

— Эй! Ты чего по залу шастаешь? Заказывать будешь или нюхать?

— Тихо, баба, — огрызнулся хриплый.

Марта мгновенно стала опасной. Даже из моего тёмного уголка я почувствовал, как воздух потяжелел.

— Она тебе не баба, — сказала Марта. — Это Нана. Она тут кружками бьёт так, что потом ребра чинить некому.

— А я чего? — вмешалась Нана с явным удовольствием. — Я ласковая. Пока ко мне с руками не лезут.

Секунда — тишина. Потом второй голос сказал примиряюще:

— Мы просто ищем мальчика. Ничего личного.

— Так ищите в канаве, — отрезала Марта. — Там ваши перспективы.

Шаги снова вернулись ближе к печке. Доски над головой скрипнули.

— Тут у тебя — протянул хриплый. — Тепло. Печь топишь. Значит, деньги есть. Значит, можно и поделиться.

— Можно, — согласилась Марта. — Пальцами. По одному. Хочешь начнём с большого?

Послышалось короткое хмыканье — второй оценил угрозу. Эти двое могли быть наглыми, но не глупыми: трактир — место публичное, и драка здесь часто выходит дороже добычи.

— Ладно, — сказал второй. — Пойдём. Но если узнаем, что он тут был

— Тогда приходите снова, — сказала Марта. — Я вам ещё раз объясню про пальцы. Бесплатно. Я сегодня щедрая.

Они ушли не сразу: ещё походили, ещё поворчали. Потом дверь хлопнула, и шаги растаяли где-то во дворе.

Я подождал.

ЕВА: 50 секунд. Вероятность возврата — падает. **ЕВА:** Комментарий: они любят последнее слово. Но сегодня им его не дали.

Дверца тайника распахнулась, и свет ударил по глазам.

Марта стояла, уперев руки в бока. Лицо у неё было такое, будто она только что продала кому-то совесть — и теперь её же выкупает обратно по завышенному тарифу.

— Вылезай, — сказала она. — Пока я не вспомнила, что люблю тишину.

Я выбрался наружу, выпрямился и машинально отряхнул колени. Действие было символическое: грязь на мне держалась не потому, что прилипла, а потому что это теперь часть образа.

— Спасибо, — сказал я.

— Спасибо — это когда ты ушёл и больше не приходил, — отрезала Марта. — А это это пока что ошибка.

Я посмотрел на стол. Там стояла миска. В ней была похлёбка — простая, жидкая, но пахла так, что у меня в голове почти вспыхнула религия.

Марта заметила мой взгляд и сказала:

— Ешь. Потом отработаешь. Я тут не сиротский приют.

— Я и не прошу бесплатно, — ответил я и взял ложку.

Первый глоток обжёг. Второй — включил мозг. Третий — заставил вспомнить, что я вообще-то человек, а не кусок проблемы на брусчатке.

Я огляделся.

Комнатка возле печи была кухней — низкий потолок, лавка, полки, котёл. Но из кухни вела занавеска в зал, и оттуда шёл гул: голоса, смех, стук кружек. Значит, я не в одинокой каморке. Я в *месте*.

— У тебя трактир, — сказал я скорее себе.

— Не трактир, — буркнула Марта. — Харчевня. Трактир — это когда чисто и не врут. У меня наоборот: грязно и честно.

— Честно грязно, — уточнил я.

Марта фыркнула и кивнула на ведро.

— Умойся. Ты выглядишь так, будто тебя вытащили из собственного несчастья.

Я встал, наклонился к ведру, плеснул на лицо холодной водой — и вздрогнул так, что чуть не уронил ковш.

Вода была ледяная, но полезная: мысли собрались. В отражении на поверхности — всё тот же мальчишка. Синяк. Грязь. Глаза старше, чем положено.

— Как меня зовут? — спросил я, не оборачиваясь.

Марта помолчала.

— Щепка, — сказала она.

— Это кличка.

— А имя тебе зачем? — в её голосе не было злости. Только прагматика. — Имя — это повод спросить документы. А документы — повод отнять свободу.

Хорошая мысль. Мрачная, но хорошая.

ЕВА: Подтверждение: отсутствие документов снижает формальную защищённость, но повышает мобильность. **ЕВА:** Рекомендация: временное имя можно выбрать позже.

— Ладно, — сказал я. — Тогда другой вопрос. Кто меня ищет?

— Сборщики Пана, — ответила Марта. — Они считают, что дети в районе — их инструмент. Кто бегаёт, кто слушает, кто ворует. У каждого — роль. У тебя тоже была.

Я обернулся.

— Была?

Марта посмотрела на меня внимательно, как на тесто: с виду — мягкое, но если пере-
держать, станет камнем.

— Ты исчез на пару дней. Обычно тебя видно. Ты — она сделала паузу, подбирая слова, — всегда вертишься рядом с рынком. Иногда у меня под столом ночуешь. Иногда посуду моешь. Не потому что добрый — потому что голодный.

— Сегодня я тоже голодный, — сказал я. — Но, кажется, немного добрее.

— Не обманывайся, — отрезала Марта. — Доброта — это когда сытый.

В зале кто-то заорал:

— Марта! Ещё кружку! И чтоб не как в прошлый раз, когда я выпил и понял, что это была вода!

— Это была честная вода! — крикнула Марта в ответ. — Ты просто впервые в жизни пил что-то честное!

Зал заржал.

Марта откинула занавеску и махнула мне пальцем:

— Пошли. Раз уж ты тут завёлся — будешь полезным. У меня сегодня половина стражи в районе ходит. Все жрать хотят. А я одна.

Я вышел в зал — и понял, что харчевня у Марты это не место, где едят. Это место, где *живут*.

Длинные столы. Скамьи. Кружки — некоторые целые. Люди — разного сорта: портовые, ремесленники, двое в полуформенной одежде стражи, один хорошо одетый мужчина, который явно заблудился в жизни. В углу играли в кости, спорили, смеялись. Воздух был густой: дым, мясо, кислое пиво, мокрые плащи.

И всё это — под низким потолком, где каждый звук цеплялся за балки и оставался жить.

— Не пялься, — сказала Марта, толкнув меня локтем. — Пялятся только те, кто боится.

— Я не боюсь, — сказал я.

— Значит, ты глупый, — отрезала Марта. — Ладно, глупый, вот тебе работа. Нана!

— Чего? — отозвалась та самая женщина, крепкая, с руками как аргументы.

— Гляди за ним, — сказала Марта. — Если он что-то украдёт — бей не по голове. Мне ещё посуду мыть.

— Слушаюсь, начальница, — сказала Нана и посмотрела на меня сверху вниз. — Ты тот самый Щепка?

— Пока да, — ответил я.

— Пока — она прищурилась. — Ладно. Живой — и то праздник.

Марта сунула мне в руки мокрую тряпку и указала на стол.

— Вытирай. И слушай. В харчевне главное — уши. Ноги вторые.

Я начал вытирать столы — не слишком быстро, чтобы не выглядеть угодником, и не слишком медленно, чтобы не получить по шее. Отличный баланс для человека, который вчера был взрослым и, кажется, даже знал слово отпуск.

Пока я работал, я слушал.

— говорю тебе, цены подняли! — ругался ремесленник. — Соль как золото.

— Потому что гильдия, — отвечал другой. — Гильдия всё держит. А стража держит гильдию. А мы держим живот.

Стражник у соседнего стола хмыкнул:

— Вы держите язык, а то я вас подержу.

— О, — сказал кто-то. — Гляньте, у нас тут закон зашёл. Кружку закону!

Смех. Стражник не обиделся — он привык, что его кормят и терпят одновременно. Я подошёл ближе, делая вид, что вытираю рядом.

— Марта, — сказал один из стражников, — ты бы мне ещё похлёбки. И — он понизил голос, — слышала? Пан твоих сборщиков гоняет. Ему мальчика надо, который пропал.

Марта, не поднимая головы, ответила громко:

— У меня мальцов пол-района. Хочешь — выбирай, только платить не забудь.

Стражник усмехнулся:

— Этот не такой. Про него сверху спрашивали.

Я остановился. Ноги на секунду забыли, что они должны держать тело.

— Сверху? — спросила Марта спокойно, но я услышал, как изменился её тон. Она держала себя, но слово ей не понравилось.

— Ну — стражник сделал вид, что ему не важно, — люди вежливые приходили в участок. Печать показывали. Не городская. Большая.

Я почувствовал, как внутри холодно.

ЕВА: Важный маркер: вежливые + печать + не городская = крупный дом или государственный приказ.**ЕВА:** Вероятность, что речь о доме Вельгор — 58% (пока).

— А ты им что? — спросила Марта.

— А что я им? — стражник пожал плечами. — Сказал: в трущобах детей много. И все — одинаковые. Они не поверили.

Он покрутил кружку и добавил, уже совсем тихо:

— Там один был такой, знаешь. Не как мы. Смотрит — и будто измеряет.

ЕВА внутри промолчала, но это молчание было почти значимым.

— Ты, Марта, — сказал стражник, — если увидишь лучше не лезь. Такие люди не спрашивают дважды.

Марта отрезала:

— Таких людей я кормлю по цене вежливых. А лезть я буду туда, куда хочу. Потому что это мой зал.

Она повернулась ко мне:

— Щепка! Хватит уши развешивать, вытирай стол!

Я кивнул и продолжил, но в голове уже шли расчёты. Если вежливые ищут меня, значит, я действительно кому-то нужен. И если они хотят защитить — прекрасно. Только вот защитники обычно приходят поздно и берут дорого.

Я подошёл к Нане, сделал вид, что просто передаю тряпку.

— Скажи, — тихо спросил я, — кто у вас тут самый быстрый? Кто может пробежать до рынка и обратно и не потерять голову?

Нана приподняла бровь.

— Ты чего задумал, малой?

— Узнать, кто сегодня в районе дышит в мою сторону, — ответил я. — И сколько у него зубов.

Нана хмыкнула.

— Ты мне нравишься. С тобой будет шумно.

— Я стараюсь, — сказал я. — Но лучше бы без крови.

— А это уж как получится, — философски сказала Нана и кивнула в угол: — Вон Рыжий сидит. Лисёнок. Ноги быстрые, мозги как у всех.

В углу и правда сидел пацан лет десяти-одиннадцати, рыжий, худой, с глазами, которые всё время куда-то убегали. Он заметил мой взгляд и сразу сделал вид, что не заметил — профессионал.

Я подошёл и сел рядом, как будто это нормально — садиться к чужим людям в чужой харчевне в чужой жизни.

— Ты Лисёнок? — спросил я.

— А ты кто? — ответил он мгновенно. — Если ты покупатель, то я сегодня занят.

— Я не покупатель, — сказал я. — Я товар, который сбежал.

Лисёнок усмехнулся, но осторожно:

— Тогда тебя скоро найдут.

— Может быть, — согласился я. — А может, я найду первым. Слушай, мне нужно — я искал слово попроще, — понять, кто меня ищет и где они ходят.

Лисёнок посмотрел на меня, потом на зал, потом на Марту.

— Марта тебя прячет?

— Пока я не надоел, — ответил я.

— Ты уже надоел, — сказал Лисёнок. — Но это у неё базовая настройка. Ладно. Что дашь?

Я вытащил из кармана — там оказалось несколько медяков, которые я даже не помнил. Видимо, у тела были свои привычки и закладки.

— Дам это. И ещё: если я выберусь из этого — я кивнул в сторону двери, — я тебя не забуду.

Лисёнок посмотрел на монеты так, будто они могли укусить.

— Не забуду — это не еда, — сказал он.

— Зато это шанс, — ответил я. — Еда заканчивается. Шанс — тоже, но звучит красивее.

Он фыркнул:

— Ладно, красиво говорить ты умеешь. Это подозрительно.

Он забрал медяки, быстро спрятал и наклонился ко мне так, будто мы обсуждаем рецепт каши.

— Слушай. Пановы сборщики сегодня злые. Они думают, что ты их кинул. Но это не самое плохое.

— А что самое плохое? — спросил я.

Лисёнок понизил голос:

— Вчера по району ходили двое. Чистые. Плащи хорошие. Один говорил как как книжка. Другой молчал, но смотрел так, будто решает: ты живой или уже нет.

Я почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— Они спрашивали про меня?

— Не называли, — сказал Лисёнок. — Они сказали: мальчик, примерно такого роста, с такими глазами. И дали стражнику бумагу. Печать — большая.

Я медленно выдохнул.

ЕВА: Совпадение параметров высокое. Вероятность, что это представители дома Вельгор — 76%. **ЕВА:** Рекомендация: ускорить подготовку к контакту. Выбрать место и свидетелей.

Лисёнок продолжил:

— Пан их испугался. Понимаешь? Пан. Испугался. Сказал: Если этот мальчишка у кого-то — пусть уходит из района. Мне тут скандалы не нужны.

— То есть Пан меня не хочет? — уточнил я.

— Пан хочет всё, — пожал плечами Лисёнок. — Но он не хочет связываться с теми, кто может приехать на карете и сказать по указу. Понял?

Я кивнул.

В этот момент дверь харчевни снова хлопнула, и в зал вошёл человек.

Не чистый. Не вежливый. Обычный грязный тип в плаще, с лицом, которое много раз пыталось быть честным, но не выдержало.

Он оглядел зал.

Его взгляд скользнул по столам, по стражникам, по Марте и остановился на мне. На секунду — слишком на секунду.

Потом он сделал вид, что не заметил, и пошёл к стойке.

Марта встретила его взглядом без улыбки.

— Что тебе? — спросила она.

— Передать, — сказал он и положил на стойку медяк. — От Пана.

Марта медяк не взяла.

— Мне не нужны его деньги. Мне нужна тишина.

— Тишина сегодня дорогая, — сказал посыльный и кивнул в мою сторону, почти незаметно. — Пан просит мальчика. На разговор. По-хорошему.

В зале стало чуть тише. Стражники переглянулись — им было интересно, но вмешиваться они не спешили: в трущобах вмешательство — это всегда риск, что тебе перестанут наливать.

Марта медленно вытерла руки о фартук.

— Передай Пану, — сказала она ровно, — что у меня мальцов нет. У меня только посетители. А посетители платят.

Посыльный пожал плечами, как будто это не разговор, а погодная сводка.

— Тогда Пан придёт сам, — сказал он. — И спросит лично.

Он развернулся и вышел.

Я посмотрел на Марту. Она — на меня.

— Вот, — сказала она тихо. — И началось.

ЕВА: Времени до визита Пана — ориентировочно 2–6 часов. **ЕВА:** Рекомендация: подготовить выход, легенду, и да, свидетелей. **ЕВА:** Комментарий: в харчевне удобно умирать — много людей. Но ещё удобнее — не умирать.

Я сглотнул.

— Марта, — сказал я. — Мне нужно поговорить.

— Мне тоже, — ответила она. — Но сначала — ты моешь посуду. Потому что если я разорюсь, тебе будет негде прятаться.

Я почти улыбнулся.

— Справедливо.

И пошёл на кухню — мыть посуду, слушать зал и думать, как прожить оставшиеся часы до того, как к нам зайдёт король грязи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.